

В этот миг Ли Чжи наконец-то всё понял. Стало ясно, ради кого мать в последнее время так наряжалась, почему пропадала с утра до ночи. Взгляд его невольно скользнул ниже, к левой руке Ван Сяочунь.

На её безымянном пальце красовался огромный сапфир величиной с голубиное яйцо. В той же руке она сжимала плотный конверт из крафтовой бумаги. Ли Чжи сразу догадался, что там внутри: результаты теста на отцовство. Накатила глухая паника. Сияние этого драгоценного камня казалось вызывающе роскошным, его холодные грани слепили глаза.

Ноги точно налились свинцом — не сделать и шага. С трудом сглотнув, Ли Чжи робко позвал:

— Мам... Может, я лучше не пойду?

Под тяжёлым, укоризненным взглядом матери его голос сошёл на нет. Ли Чжи понурил голову. Чем ближе они подходили к огромному особняку, тем сильнее ворочалось в груди нехорошее предчувствие.

Покойный отчим часто повторял ему: главное в жизни — уметь ценить то, что имеешь.

«Нельзя зариться на чужое. Твоё от тебя не уйдёт, а позаришься на чужое — небо покарает».

Ли Чжи никогда не считал себя обделённым. Он не роптал на бедность, не жаловался на судьбу, рано лишившую его отца, и безропотно сносил частые материнские пощёлки. Он плыл по течению и не помышлял о переменах — даже зная, что его настоящий, кровный отец не кто иной, как Чжоу Госюн, влиятельный магнат из города S.

Но незаконнорождённому полагается знать своё место. В глубине души Ли Чжи понимал: они из совершенно разных миров. И теперь, когда Ван Сяочунь настырно пыталась втянуть его в эту чужую жизнь, он чувствовал себя так, словно летит в бездну, тщетно пытаясь нащупать ногами хоть какую-то опору.

Стояла удушливая летняя жара — как-никак, каникулы были в самом разгаре. Смахнув тыльной стороной ладони выступивший на переносице пот, Ли Чжи робко пролепетал:

— Я хочу домой...

И тут же испуганно затараторил, боясь, что мать оборвёт его на полуслове:

— Я сам доеду, на автобусе!

Ван Сяочунь молча смерила его долгим взглядом.

— Твой дом теперь здесь, — отрезала она. — Туда мы больше не вернёмся. — Помедлив, она вновь ткнула ему под нос левую руку с кольцом. — Видишь? Отец сделал мне предложение. Его жена умерла год назад.

Супруга Чжоу Госюна действительно скончалась после долгой болезни, а спустя полгода погиб отчим Ли Чжи. Словно сама судьба, цинично разыграв эти две трагедии, свела бывших любовников вновь. Достаточно было одного взгляда, чтобы старые чувства вспыхнули с прежней силой. Они сошлись быстро и буднично. Известие о том, что Ван Сяочунь всё это время растила его плоть и кровь, ошеломило магната. «Если это действительно мой сын, — заявил он тогда, — мы официально оформим наши отношения».

Ли Чжи едва переставлял ватные ноги, но Ван Сяочунь мёртвой хваткой вцепилась ему в предплечье и настырно тащила за собой.

— Вот увидишь отца, води себя поумнее, — шипела она на ходу. — Помалкивай, когда надо, а спросит — отвечай ласково, не стой как истукан. Понял меня?

Они миновали благоухающий, пестрящий пышными клумбами сад и остановились у массивных парадных дверей. Нажимая на кнопку звонка, Ван Сяочунь торопливо шепнула сыну на ухо:

— У твоего отца есть старший сын, Чжоу Баюй. Если заговорит с тобой — назови его братом. Если проигнорирует — не лезь на рожон, не мозоль глаза. Уяснил?

От палящего солнца и дикого страха у Ли Чжи кружилась голова. Он не успел даже кивнуть, как тяжёлая дверь распахнулась. На пороге стоял безупречно одетый мужчина средних лет в строгой ливрее. При виде гостя он почтительно склонил голову:

— Госпожа Ван. Господин ждёт вас в кабинете на четвёртом этаже. Проходите, пожалуйста.

Дворецкий отступил в сторону. Ли Чжи робко семенил следом за матерью, чувствуя себя забитым деревенщиной, который чудом затесался на королевский приём. Снаружи дом поражал масштабами, но внутреннее убранство затмевало любое воображение. Просторный вестибюль больше походил на холл фешенебельного отеля. В воздухе плыл тонкий, изысканный аромат дорогого парфюма.

В этом великолепии Ли Чжи ощущал себя жалкой кухонной букашкой: он боялся сделать лишний шаг, уверенный, что наследит на зеркальном полу.

Ван Сяочунь, напротив, держалась уверенно и вела его за собой так напористо, словно бывала здесь десятки раз. Она уже собиралась затащить сына в лифт, когда дворецкий вежливо, но твёрдо преградил ей путь.

— Простите, госпожа Ван. Хозяин велел подняться только вам.

На лице матери промелькнуло раздражение, но устраивать сцену она не решилась. Равнодушно подтолкнув Ли Чжи к слуге, она бросила:

— Тогда отведите его пока в гостиную.

И скрылась за раздвижными дверями лифта.

Металлические створки сомкнулись. Дворецкий повернулся к притихшему подростку:

— В гостиной сейчас гости. Пойдёмте, я провожу вас в чайную комнату.

Ли Чжи, всё ещё раздавленный роскошью особняка, лишь послушно кивнул, не уловив сквозящего в голосе слуги пренебрежения. Они едва успели сделать несколько шагов, когда из глубины коридора донёсся звонкий, надменный юношеский голос:

— Дядя Чжан!

Дворецкий замер и развернулся. Ли Чжи робко обернулся тоже.

У стены, небрежно скрестив руки на груди, стоял парень примерно его возраста. Одет он был с иголочки: никаких кричащих логотипов, но благородный крой и качество ткани выдавали баснословную стоимость вещей. Высокий, породистый, он стоял с таким видом, будто весь мир принадлежал ему одному — холёный, самодовольный павлин.

Юноша лениво окинул Ли Чжи пренебрежительным взглядом с головы до ног.

— Это ещё кто?

— Ах, молодой господин Хань... Это... — Дворецкий Чжан замялся, растерянно хмурясь. Было очевидно, что он понятия не имеет, как правильно представить незваного гостя.

Под перекрёстным прицелом их взглядов Ли Чжи до боли сжал пальцами край футболки. Ладони мгновенно взмокли от липкого пота. Этот заносчивый «молодой господин Хань» видел его впервые, но неприязнь в его глазах была почти осязаемой. Ли Чжи вспомнил слова охранника у ворот о том, что молодой хозяин пригласил друзей. Должно быть, этот парень и был приятелем его новоиспечённого старшего брата.

Хань Цзыяо — так звали гостя — не собирался ждать, пока слуга подберёт приличное объяснение. Он пренебрежительно отмахнулся:

— Да ладно, плевать. Мы там в карты режемся, как раз четвёртого не хватает. Пусть идёт с

нами.

— В таком случае, ступай в гостиную, — послушно кивнул дворецкий.

Так Ли Чжи, словно футбольный мяч, полетел от матери к дворецкому, а от того — напрямик к Хань Цзыяо.

Опустив голову, он безмолвно тащился за парнем. На самом пороге гостиной Цзыяо вдруг притормозил:

— Эй, ты. Иди вперёд.

Ничего не подозревая, Ли Чжи послушно сделал два шага. Стоявший позади Хань Цзыяо хищно прищурился, глядя на его тощую, незащищённую спину, и со всей силы уложил ему палец под поясницу.

Ли Чжи охнул.

От неожиданного и резкого удара он плашмя полетел на пол. Под ногами лежал мягкий ворсистый ковёр, поэтому руки он не ушиб, но в поясницу словно прилетел тяжёлый булыжник. Боль была такой острой, что парень зашёлся в беззвучном крике, скорчившись на полу.

Хань Цзыяо весело расхохотался и, перешагнув через него, крикнул в глубь комнаты:

— Баюй, твоя ненаглядная «тётушка Ван» снова здесь! И притащила с собой какой-то дешёвый прицеп. Глянь, я тебе его доставил в лучшем виде. Ну что, обнимете обретенного брата?

— Заткнись, а? Жить надоело? — раздался ленивый, но холодный голос.

Ли Чжи слышал мягкий шорох шагов по дорожному ворсу.

— И долго ты собрался там валяться? Вставай давай.

Преодолевая резкую боль, Ли Чжи с трудом поднялся на ноги и торопливо водрузил на нос сползшие очки. Перед ним предстала огромная гостиная с невероятно высокими, метров под девять, потолками, откуда свисала каскадная люстра из горного хрусталя.

Там стояли трое парней. Все трое — ухоженные, статные, так и светящиеся тем лоском, который дают только очень большие деньги. Рядом с ними Ли Чжи чувствовал себя дешёвым тусклым стёклышком, случайно затесавшимся в россыпь безупречного жемчуга. От стыда

хотелось провалиться сквозь землю.

Одного мучителя он уже знал — Хань Цзыяо. Тот, что стоял рядом с ним, холёный красавчик с тонкими, злыми губами, явно был его единокровным братом, Чжоу Баюем. Третий же сидел чуть поодаль, лениво листая что-то в телефоне.

— Минчжан, хорош залипать, — окликнул его Цзыяо.

Парень, которого называли Чу Минчжаном, неторопливо поднял голову. Его светлые, почти прозрачные глаза скользнули по Ли Чжи коротким, безучастным взглядом.

Пройдут годы, но Ли Чжи так и не сможет забыть ту первую встречу.

Чу Минчжан сидел на краю глубокого кожаного дивана, небрежно вытянув длинные ноги в светло-голубых джинсах. Солнечный свет, льющийся сквозь панорамное окно, мягко очерчивал его безупречный профиль, подсвечивая смоляные волосы и фарфоровую кожу. Он удостоил гостя лишь секундным взглядом и тут же отвернулся, но Ли Чжи уже не мог оторвать от него глаз. К счастью, громоздкая дешёвая оправа и упавшая на лоб растрёпанная чёлка надёжно скрыли его пристальный, замороженный взор. Никто ничего не заметил.

Тем временем Чжоу Баюй, прищурившись, разглядывал забитого, как церковная мышь, паренька. На его губах медленно проступила улыбка. Любой, кто знал Баюя близко, сразу бы почуял неладное: эта сладкая, приторная ухмылка означала лишь одно — молодой барин не в духе и сейчас прольётся чья-то кровь.

— Присаживайся, — ласково кивнул Баюй на место рядом с собой.

Не смея перечить, Ли Чжи на негнущихся ногах подошёл и боязливо опустился на край сиденья. Баюй продолжал буравить его взглядом, источая ложное дружелюбие.

— Напомни-ка, как тебя звать?

— Ли... фамилия Ли, — заикаясь, выдавил он. — А имя Чжи... которое означает «знание».

Хань Цзыяо, крутившийся неподалёку с приставкой, покатился со смеху:

— Ли Чжи? Личжи, что ли? Ну и убожество! А я тогда, блядь, спелый ананас!

Ли Чжи вспыхнул до ушей. Он и так был робким, а этот грубый глумливый тон окончательно лишил его дара речи.

Баюй даже бровью не повёл.

— Отлично. Так вот, Ли Чжи... Зачем твоя мать, эта самая «тётушка Ван», притащилась сегодня к моему отцу?

Парень интуитивно почуял ловушку. Покойный отчим когда-то советовал: если не знаешь, что отвечать, прикинься дурачком.

— Я... я не знаю, — тихо пробормотал он, уставившись в пол.

На самом деле Чжоу Баюй прекрасно знал всё о похождениях своего папаши. Он понимал: если этот заморыш окажется признанным ублюдком Чжоу Госюна, то отец непременно женится на этой дешёвой шлюхе Ван Сяочунь и притащит её в дом на правах законной хозяйки. И знал об этом не только Баюй. Его дружки тоже были в курсе семейной драмы — именно поэтому Хань Цзыяо с таким удовольствием отвесил Ли Чжи пинка прямо с порога. Чисто по-дружески, чтобы поддержать брата.

— Не знаешь? Ну, зато я знаю, — процедил Баюй. — Пришли показать папочке тест ДНК, верно?

Ли Чжи мелко затрясло. Дикий, удушающий стыд сковал горло — он даже головы не мог поднять. Извечный закон: законнорождённый наследник и безродный бастард. Сын любовницы всегда будет грязью под ногами законного сына.

— Да ладно тебе, расслабься, я же просто спросил, — вдруг весело рассмеялся Баюй и сменил тон на дружелюбный. — Ты как, проголодался, небось?

От этого резкого скачка Ли Чжи окончательно растерялся. Он удивлённо моргнул, гадая, к чему клонит мучитель. А Баюй, не сводя с него глаз, кивнул на журнальный столик, где красовался огромный праздничный торт:

— Угощайся.

Ли Чжи испуганно мотнул головой, отказываясь.

И в то же мгновение дружелюбие Баюя испарилось. Он резко, как зверь, вскочил с места, мёртвой хваткой вцепился Ли Чжи в волосы и с силой впечатал его лицом прямо в кремовое месиво.

Сладкая жирная масса мгновенно забила ноздри. Ли Чжи задышался. Он попытался открыть рот, чтобы глотнуть хоть немного воздуха, но Баюй продолжал яростно вдавливать его голову в торт, так что рот парня сразу забило приторным тестом. Лицо горело, тошнотворно-сладкий запах крема выворачивал наизнанку.

Он отчаянно задёргался, пытаясь вырваться, но куда ему было против верзилы Баюя. Ли Чжи рос хилым и недоедал, а его единокровный братец в свои четырнадцать уже вымахал под метр восемьдесят.

— Сука! — тяжело дыша, хрипел Баюй, наваливаясь сверху. — Ты ещё смеешь головой мне тут мотать, ублюдок? Выродок нищевродский! Жрать хочешь? Жри, тварь! Ни в чём себе не отказывай, уёбок, привыкай к роскошной жизни!

Из-под кремовой жижи вырвался глухой, надрывный плач. Слёзы смешались с липкой глазурью и текли прямо в рот. Ли Чжи казалось, что он медленно сходит с ума. Если бы кондитерским кремом можно было задушить насмерть, он наверняка стал бы первой жертвой в истории. К горлу то и дело подкатывали спазмы, перед глазами плыли тёмные круги — он действительно задыхался.

— Кажется, дядя Чжоу спускается.

Этот прохладный, чистый голос прозвучал подобно хрустальному звону родника.

Давление на затылок тут же прекратилось. Ли Чжи, хрипя и отплёвываясь, с трудом оторвал лицо от растерзанного торта и повернулся на звук.

Чу Минчжан по-прежнему сидел в углу дивана — безупречный, отстранённый, словно сошедший с дорогого полотна. Он равнодушно смотрел на Ли Чжи.

Вся голова несчастного была измазана жёлтым кремом. Заляпанные очки нелепо съехали набок, слипшиеся волосы грязными сосульками свисали на лоб. Парень лихорадочно огляделся в поисках салфетки, не нашёл ничего и принялся беспомощно тереть лицо ладонями, лишь сильнее размазывая липкое месиво по щекам.

Чу Минчжан едва заметно поморщился.

Вдруг на колени Ли Чжи приземлилась маленькая прямоугольная пачка бумажных платков. Вскинув взгляд, он увидел, что Минчжан уже стоит на ногах.

— Ладно, я пойду, — небрежно бросил он притихшим приятелям.

— Уже? — удивился Баюй. — Так быстро?

— Угу, — коротко отозвался Минчжан, не утруждая себя объяснениями. — Спишемся через пару дней.

Развернувшись, он длинными шагами направился к выходу, легко обогнув разгромленный

журнальный столик.

Больше он ни разу не взглянул на Ли Чжи.

<http://bllate.org/book/20441/2106091>